И. Штейнберг

СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ В РЕАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВЫЖИВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

После того как к середине 1990-х стало очевидно, что надежды на фермерский путь развития аграрного сектора экономики не оправдались, интерес к проблемам села и его жителям со стороны гуманитарных исследователей стал постепенно снижаться. Причин этому много. Среди них есть одна, которую, на мой взгляд, следует выделить особо. Это бытующее в научных кругах мнение о бесперспективности «сельских» научных проектов. Возможно, такое мнение сложилось потому, что, несмотря „а серьезную идеологическую и правовую основу фермерского движения в начале 1990-х гг., этот процесс пошел совсем не так, как ожидалось. Идеология экономизма с «„ставками» радикального рыночно - либерального стиля мышления (активизация человеческого фактора, «чувство хозяина», приоритет на землю) привела к тому, что собственно аграрной реформы как рационального, системного и развивающего процесса, который бы поддерживался и осуществлялся самими сельхозпроизводителями, не было и нет. Крестьянство оказалось <неправильным>, без<рыночной компоненты в сознании> и проч.[1] Таким образом, раз нет предмета исследования - нет и самих исследований. Однако неудачи аграрной реформы не означают, что не было социальных изменений и трансформаций сельского социума и реальных практик повседневного жителя села, в частности так называемых стратегий выживания[2]. В результате десятилетия аграрных «реформ» сотни тысяч сельских семей переместились за

[1]Многоукладная аграрная экономика и российская деревня / Под ред. Е.С. Строева. М.: Колос 2001.

[2] Штейнберг И.Е. Христианство и власть: тенденции трансформации. Исследования власти постсоветском селе // Куда идёт Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И. Заславской .М.: Аспект Пресс, 1996. № 7. С. 21 – 27.

официально признанную черту бедности. Однако реальное представление об экономической жизни крестьянской семьи может существенно измениться, если учесть «сетевые ресурсы», которые используются ею в своей стратегии выживания. Эти ресурсы принадлежат особой системе неформальных отношений между сельскими семьями по оказанию социальной взаимопомощи, которую чаще обозначают как «сеть социальной поддержки» (network of social support). В нашем обществе эта система играет роль стабилизирующего фактора в экономической жизни крестьянской семьи и частично компенсирует кризис государственных социальных институтов[1]. Например, персональные социальные сети могут компенсировать недостатки таких институтов, как трудоустройство, получение квалифицированной медицинской помощи, социальная защита, дошкольное воспитание детей, или даже заменить их.

Роль социальных сетей в компенсации неэффективной деятельности или полной подмене социальных институтов особенно хорошо видна в современном селе. Без учета сетевых ресурсов трудно понять, как выживает сельская семья, где берет корма для обеспечения личного подсобного хозяйства (ЛПХ) - основного источника дохода, как обходится без социальной инфраструктуры общественного транспорта, квалифицированной медицинской помощи и т.п.

В 1999-2000 гг. в Саратовской области и Краснодарском крае было проведено сравнительное исследование «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» (руководители проекта: Т. Шанин, В. Радаев)[2]. В качестве рабочего определения под семейной сетью социальной поддержки в этом исследовании подразумевалась система социальных отношений семьи на основе родства и дружеских связей, которая обеспечивает ей доступ к необходимым ресурсам и поддерживает ее социальный и экономический статус. В течение года с помощью междисциплинарного метода исследования изучались материальные, денежные, трудовые потоки в неформальных семейно-родственных отношениях, а также различные виды моральной поддержки и психологической помощи.

[1] Emirbayer M. Goodwin .J. Network Analisis. Kulture and the Problem of Agency //American Journal of Sociology. 1980. No. 6.

[2] Рефлексивное крестьямоведение: десятилетие исследований сельской России / Под. ред. Т. Шанина. А. Никулина, В. Данилова. М.: РОСПЭН. 2002.

Поскольку мы имели дело с неформальными отношениями, то объективно оценить размеры потоков материальных и иных ресурсов было довольно сложно. Статистика показывает, что средняя зарплата жителя села составляла в 2000 г. 500 руб., т.е. формальные денежные поступления за год в семье не превышали 1-2 тыс. руб. Понятно, что реальные доходы семьи включают неформальные денежные или натуральные поступления от продажи продукции своего подсобного хозяйства и дополнительной занятости.

Наше исследование было тем интереснее, что проводилось в селе, где хозяйство не выплачивало заработную плату вообще и натуроплату только частично, в том смысле, что она не покрывала потребностей ЛПХ. Тем не менее средний размер денежных поступлений домохозяйства составлял 23 160 руб. (были семьи с доходом в 7 000 и 82 000 руб.)

Эти цифры косвенным образом отражают долю «сетевого ресурса» в оюджете сельской семьи. Исследование показало, что в денежном и натуральном выражении он составляет от 30 до 70 %. Существование неформального «сетевого ресурса» позволяет понять, как может выживать сельская семья, хронически не получая денежные и натуральные выплаты от своего предприятия, как при отсутствии детских дошкольных учреждений могут работать родители, имеющие детей дошкольного возраста, или как выживают семьи, не имеющие оптимального по размерам для местных условий ЛПХ?

Модель сельской сети социальной поддержки

Построение моделей экономического поведения субъектов и системы неформальных отношений и связей между ними - это вопрос, который заслуживает отдельного разговора. Поскольку цель статьи другая, то я ограничусь небольшим замечанием.

Сам термин <сеть> и <сетевое> представление о сложных социальных системах множества элементов, образующих своими отношениями и связями некоторое единство, проявился относительно не дав но причем основная масса работ приходится на 1970-е годы, а в России – на середину 1990-х[1] . В основном эти модели проецируют

[1] Гадырёв Б.С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология,
методы и математические модели. 2001. №14. С. 53-57.

ассоциации их авторов, вызываемые словом «сеть» (в виде геометрической решетки, изображения железнодорожного узла, схемы телефонной станции, паутины и т.п.). Иногда создается впечатление, что резкий рост «сетевых» исследований социальных процессов в России возник в связи с бурным развитием сети Интернета и вовлечением самих исследователей в эту всемирную паутину (по крайней мере, по датам совпадает).

В нашем исследовании модель социальной сети напоминала рыбацкий невод, сплетенный из вертикальных и горизонтальных нитей. Вертикальные нити отражают персонифицированные формальные отношения, т.е. это формальные статусы и роли, которые играют конкретные субъекты, включенные в формальные социальные институты. Горизонтальные нити - это персонализированные связи и отношения в неформальных институтах семьи, соседства, дружеской компании и прочих социальных объединениях на основе взаимных интересов, общности биографии и т.п.

Как действует такая сеть? Предположим, жителю города, у которого родители-пенсионеры проживают в селе, необходимо запасти корма для ЛПХ, которое они содержат. Покупать их на рынке невыгодно, а в бывшем колхозе пенсионерам дают только 1/3 от необходимого. Если бы председатель СПК был родным братом, т.е. если бы в нашей модели возник «сетевой узел», тогда проблемы с льготным приобретением кормов не возникало бы. Но в нашем случае председатель СПК не входит в родственный клан. Тогда актору приходится прокладывать к нему сложный сетевой маршрут, через другие «сетевые узлы», состоящие из знакомых, родственников, соседей, товарищей детства, армейских сослуживцев и проч. Это будет продолжаться до тех пор, пока не будут налажены нужные связи для доступа к источнику ресурсов.

Такие маршруты входят в так называемые стратегии выживания или практики повседневности. Их изучение было одной из задач нашего проекта, решение которых стало возможным в основном благодаря применению междисциплинарного подхода, соединяющего качественные и количественные методы исследования[1].

[1] Ковалев Е.М., Штейнберг НЕ. Качественные методы полевых социологических исследований. М.: Логос. 1949.

Четыре измерения сети

Образно говоря, сеть социальной поддержки семьи существует одновременно в нескольких измерениях: экономическом, социологическом, психологическом и культурно-духовном, которые фиксируются в ходе исследования разными методами.

1. Исследование семейного бюджета фиксирует экономическое измерение - потоки материальных ресурсов, частоту взаимообменов.

2. Социологическое интервью - социальное измерение: количество и качество социальных связей, поддерживающих социальный статус семьи, а также характер отношений между членами сети.

3. Психологический метод - «генограмма семьи» - представляет собой некое интегральное отражение как социально-экономических, так и психологических измерений, в которых живет сеть. Психологическое измерение - это сеть моральной поддержки, наличие скорой психологической помощи, круга лиц, безусловно принимающих семью и готовых делить с ней радость и горе. Суть методики состоит в том, что исследователь просит респондента самостоятельно нарисовать на листе бумаги «карту» взаимоотношении, связей семьи респондента (и каждого из ее членов) с родственниками, друзьями, знакомыми и т.п. Затем выделяются круги ближнего и дальнего общения, резервные связи, уточняются отдельные элементы «картины», характер связей. Этот метод напоминает известные методики социометрии, «социального атома», техники арт - терапии.

4. И, наконец, культурно-духовное измерение, которое является результатом сопоставления результатов социологического и психологического методов. Это сеть отношений, которые удовлетворяют потребности, не зависящие от дефицита общения и ширины круга родственников и друзей. Здесь представлены духовные ценности, религиозные и этнические традиции, которыми живет семья, включенная в сетевые отношения.

О наличии такого измерения говорит, например, тот факт, что мигранты из Казахстана, попавшие в нашу выборку, несмотря на создание сети общения с земляками, переживают чувство одиночества и отчуждения от коренных жителей села. Как выразился один из наших респондентов, <мы не одни, но одиноки>.

В зависимости от того, насколько полно в семейной сети представлены все эти измерения, можно говорить о ее стабильности и социальном самочувствии.

Результаты триангуляции

Простое соотнесение совокупного дохода семьи, полученного методом бюджетного исследования, и рисунка «генограммы семьи» показывает, что в зависимости от размеров дохода сеть поддержки сельской семьи существенно меняет свою количественную и качественную конфигурацию. Семья с низким доходом - это молодая семья с двумя малолетними детьми. Она имеет сильную донорскую поддержку родственников. Связи носят в основном односторонний характер. Здесь, как правило, решаются проблемы физического выживания.

Семья со средним доходом имеет самую развитую сеть, существующую во всех перечисленных выше измерениях. Здесь сильны потоки материальных ресурсов на основе взаимообмена. Широка сеть полезных социальных связей внутри села и в городе с родственниками и друзьями. Взятые нами интервью свидетельствуют о налаженной сети моральной поддержки родственников и односельчан. Эти отношения определяются стремлением к оказанию безвозмездной помощи, мотивами продления родительской роли, стремлением соответствовать нравственным нормам данного социума.

Сеть семьи с относительно высоким доходом на рисунках похожа по конфигурации на сеть «бедной» семьи. Интервью показали, что здесь семья намеренно обрезает свои социальные связи в целях сохранения и упрочения уровня благосостояния. Важно учитывать временной цикл развития семьи. Эта семья прошла фазу расширения сети и сделала свой выбор в пользу ограничения контактов с родственниками и друзьями. Однако упрочение экономического и социального положения за счет селекции психологических и культурно-духовных отношений с «бесполезными» членами семейного клана порождает определенный дискомфорт. В интервью респонденты часто оправдываются либо замалчивают факты нарушения «культурных кодов» помощи и бескорыстия. Например, фермер из Саратовской области так говорит об этом:

«С *соседом реже стали общаться. Запросто уже не заходим друг к другу. Ну вот как, он ко мне приходит, у меня всегда и выпить и закусишь, как говорится, все по-человечески, угостить в любой момент могу, хоть налью, хоть что. А у него встретить гостей иной раз нет ничего. Вот ему неудобно перед мною. И мне перед ним тоже неловко. Вроде достатком своим хвалюсь. Деньги он у меня занимает, а я у него нет, ну потом то задержит, то так, давно уже не спрашивал, может у других занимает. А так отношения хорошие у нас с ним».* Если имущественное расслоение на селе ставит препятствие для интенсивного общения между соседями, знакомыми и родственниками, то можно сделать вывод о том, что с ростом доходов семейная сеть на селе имеет тенденцию к сворачиванию до минимальных и необходимых размеров, а в крайних случаях происходит ее разрушение. Однако это верно только по отношению к, условно говоря, «сети выживания». Наши наблюдения свидетельствуют о том, что вместе со сворачиванием «сети выживания» возникает «сеть развития», цель которой не физическое сохранение семьи, а дальнейшее повышение благосостояния и качества жизни, *Эта* сеть формируется под влиянием совсем иных правил взаимообменов и стратегий.

«Психологический рубль»

В этой связи следует остановиться на проблеме восприятия эквивалентности обменов, осуществляемых в сетях поддержки. Для оценки прочности сети социальной поддержки сегодня большее значение имеет сравнительная ценность оказываемой материальной и моральной помощи. Например, о значимой помощи можно говорить, если она, по мнению участников взаимообмена, составляет весомую долю бюджета семьи-донора или физических и временных затрат членов помогающей семьи.

Однако субъективное восприятие размеров часто значительно отличается от объективных данных о взаимообменах между семьями в рамках сети социальной поддержки.

> *Так родительская семья респондентки М. получила от семьи своей дочери Л., живущей в этом селе, продуктов животноводства и овощей на сумму около 3 500 руб. В свою очередь они передали дочери продук-тов на 1 500 руб. Другой своей дочери О., живущей в городе ими было передано продуктов и денег на 1 700 руб., а от неё получено на 30руб.*
>
> *На вопрос интервьюера свою эквивалентности обменов в их семейной сети и справедливости существующего положения респондента отве-*

тила, что они больше помогают Л., чем она им, что большая поддержка идет от дочери, живущей в городе, которой они должны помогать дольше, но не могут. Это оценка выглядит еще долее субъективной, если учесть, что Л. постоянно помогает в ведении подсобного хозяйства. Когда М. попала в больницу на 2 месяца, Л. взяла к себе домой отца, где он жил до ее выздоровления. В то же время О. приезжает к матери примерно один раз в месяц, помощи в подсобном хозяйстве родителям не оказывает, и материальная поддержка за год оказалась в 100 раз меньше, чем от Л.

В этом субъективизме как раз и можно увидеть скрытые механизмы существования сети, которые скорее относятся к области «моральной экономики», где действуют свои правила эквивалентности обменов, где «бумажный» рубль уравновешен, если уместна такая метафора, «психологическим рублем». Иными словами, для существования социальной сети в большей степени необходимы моральные ресурсы, чем экономические. Особенно это видно на примере социальных сетей, созданных этническими группами в принимающем обществе. Эти сети нацелены на увеличение человеческого, а не экономического капитала.

Стабильность сети социальной поддержки определяет скорее значимость взаимообменов для материального и морального благополучия семьи, чем их количество. Значимость взаимообменов подразумевает признание важности такой помощи дня семьи, осознание, что помогающая сторона идет на определенные жертвы, оценку их справедливости. Исходя из этого надежность социальной сети поддержки в селе, где родители-пенсионеры оказывают помощь своим детям в больших размерах, чем получают в ответ, зависит от состояния тонкого механизма социальных отношений между членами семейного клана, состояния нормативной базы общественного мнения села. Это установки на без-возмездную помощь детям вне зависимости от их возраста и способности самим зарабатывать на жизнь, низкая оценка собственного вклада живым трудом или продуктами со своего подворья, уверенность в га-рантированности «отсроченной» помощи, т.е. как бы своей поддержкой сегодня можно рассчитывать на ответную помощь в будущем.

Выводы

I. Тема социальных сетей в отечественной социологии и экономике с середины 1990-х гг. стала очень популярна. Действительно, роль сетей социальной поддержки, особенно на селе, очень важна. Однако попытка свести все многообразие соци-

альных отношений к модели сети приводит к упрощению и преувеличению значения неформальных социальных взаимодействий в реальных практиках экономического поведения жителей села. Социальные отношения иногда похожи на сети Интернета, но качественно гораздо сложнее и многообразнее по способам связи с формальными институтами, по каналам поиска ресурсов и т.п.

II. В реальных практиках экономического поведения сельской семьи следует различать по крайней мере две сети. Одна из них связана с проблемами физического выживания, а другая - с проблемами развития крестьянской семьи. Эти сети различаются не только объемами и видами материальных и информационных ресурсов, но и разными стратегиями в построении социальной сети и ее функционированием.

III. Ключом к пониманию механизма функционирования сети социальной поддержки является понятие неэквивалентных обменов. Понятие «психологического рубля» при сетевом обмене не более чем метафора. Однако при ее помощи можно лучше понять факторы стабильности и развития сети, которые не зависят напрямую от количества участников, часто ты контактов или мощности материальных потоков при меж - семейных обменах.

IV. Исследование показало, что для существования социальной сети в большей степени необходимы моральные ресурсы, чем экономические. Особенно это заметно в социальных сетях, по строенных на базе этнической группы, проживающей в обществе с иной культурой, языком, религией. Стратегии таких сетей направлены на увеличение человеческого, а не экономического капитала. Среди ресурсов таких сетей важнейшую роль играют носители языка, религии, культурно-духовных традиций данного этноса, вокруг которых идут процессы сплочения членов сети, где попутно решаются и материальные вопросы адаптации в принимающем обществе